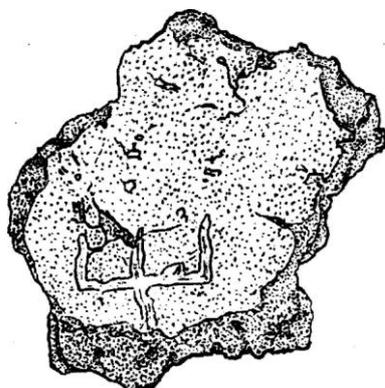

**Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Курский государственный медицинский
университет»
Министерства здравоохранения Российской
Федерации**

ГРАНИ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

*Сборник статей
к 60-летию профессора Сергея Павловича Щавелева*

Курск – 2013

УДК: 009 (082)
ББК: 6/8 Я43
Щ 14

Печатается по решению
редакционно-издательского
совета ГБОУ ВПО КГМУ
Минздрава России

Грани гуманитарного знания. Сборник статей к 60-летию профессора Сергея Павловича Щавелева. – Курск: Изд-во КГМУ, 2013. – 634 с., ил.

Составители и редакторы:

канд. филос. н., доц. *Д.П. Кузнецов* (Курский гос. мед. ун-т);
канд. филос. н. *О.В. Пыжова* (Курский гос. мед. ун-т).

Сборник посвящён юбилею философа, историка, историографа Сергея Павловича Щавелева. Издание составлено из статей его друзей и коллег разных поколений, с которыми он сотрудничает с 1970 – 1980-х годов и по настоящее время. Представлены труды исследователей из Институтов философии, археологии, всеобщей истории РАН; Московского и Санкт-Петербургского государственных университетов; Санкт-Петербургского филиала Архива РАН; Академии управления при Президенте Республики Беларусь; Института археологии Национальной Академии наук, Черниговского университета, Донецкого национального университета Украины; Белгородского национального исследовательского, Брянского, Воронежского, Нижневартковского, Тверского, Тульского педагогического, Калужского, Курского государственных университетов; целого ряда других научных центров.

Разделы книги — по сути, коллективной монографии — отражают научные интересы юбиляра, а потому разнообразны: археология, история, историография, лингвистика и литературоведение, философия и методология науки и практики.

Издание обильно иллюстрировано — портретами многочисленных авторов, рабочими моментами их научной деятельности.

Книга привлечёт внимание специалистов, студентов и аспирантов по разным гуманитарным дисциплинам; всех, кого интересуют вопросы гуманитарного знания.

Оформление обложки М.В. Хрулова.

В оформлении обложки использована репродукция фрески Рафаэля Санти «Афинская школа» («Философия») 1498-1511 гг. Ватикан. Рабочий кабинет Папы Римского.

В оформлении издания использованы рисунки археологических находок С.П. Щавелёва. На титульном листе помещено граффити на фрагменте стенки лепного сосуда (тамга? кириллическая буква «шта»?), обнаруженного при раскопках археологического комплекса Липино (Октябрьский р-н Курской обл.). Рис. И.В. Гуреевой. На последней странице обложки — ювелирное украшение (височное кольцо?; фрагмент) с серпентинным орнаментом и руноподобным знаком. Из сборов на Липинском селище. Рис. Н.В. Срывковой.

ISBN 978-5-7487-1643-7

ББК: 009 (082)
Щ 14

© Коллектив авторов, 2013

© ГБОУ ВПО КГМУ Минздрава России, 2013

К вопросу о нижней дате Гнёздовского археологического комплекса и времени функционирования пути «из варяг в греки»

Гнёздовский археологический комплекс в силу своего уникального географического положения на переходе из Волховско-Ловатской речной системы в Днепровскую, является достаточно надёжным хронологическим индикатором функционирования торгово-коммуникационного пути из Балтики в Чёрное море, так называемого пути «из варяг в греки». Ранняя история Гнёздова и основные этапы его развития отражают также и основные этапы формирования и развития этой торговой магистрали.

Нижняя дата Гнёздовского археологического комплекса до сих пор остаётся одним из самых дискуссионных вопросов в изучении памятника. Ассортимент датировок начала функционирования Гнёздова в историографии чрезвычайно широк — от начала IX до начала X вв. Наиболее ранние даты были предложены представителями так называемой «ленинградской школы» археологов на основе анализа курганных материалов. И.И. Ляпушкин считал нижней датой и поселения, и курганных могильников Гнёздова начало IX в. ¹⁴. В.А. Булкин на основе корреляции выделенных им хронологически дифференцированных признаков предложил три «хронологических блока» для курганных материалов. Самые ранние погребальные комплексы он отнёс ко второй половине IX в. ¹⁵. Более осторожен в своих выводах был Д.А. Авдусин,

* Алексей Александрович Фетисов — научный сотрудник Государственного музея Востока (Москва). afetisov@inbox.ru

¹⁴ Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства // МИА. 1968. № 152. М., 1968. С. 115, 118.

¹⁵ Булкин В.А., Лебедев Г.С., Дубов И.В. Археологические памятники Древней Руси. Л., 1978. С.38.

считавший нижней датой памятника начало X в. ¹⁶. Ю.Э. Жарнов по материалам могильника относил «раннее Гнёздово» к концу IX – первой половине X в. ¹⁷.

Ситуация с «ранним Гнёздовым» дополнительно осложняется также тем, что помимо методов археологического датирования существует ещё и хронология раннего летописания, где Смоленск (а следовательно и подразумеваемое как «ранний / первый Смоленск» — Гнёздово) упоминается либо в 860-х гг. (поздний Устюжский летописец начала XVI в., возможно отражающий известия древнего летописания), либо в 880-х гг. (раннее летописание, отражённое в «Повести временных лет»).

В исследованиях последнего времени проблема нижней даты Гнёздовского комплекса специально не рассматривалась. Исследователи ограничиваются указанием на спорность и неоднозначность решения этого вопроса и его принципиальную связь с вопросом о времени появления здесь гончарного круга. Показательна в этом отношении последняя фундаментальная совместная работа Т.А. Пушкиной, Н.В. Ениосовой и В.В. Мурашёвой, опубликованная в сборнике, изданном к 1150-летию образования Древнерусского государства ¹⁸. Отмечая традиционную дискуссионность вопроса о нижней границе существования памятника, авторы вслед за Ю.Э. Жарновым относят период «раннего Гнёздова» к концу IX – первой половине X в. ¹⁹. В настоящее время фактически общепризнанной в историографии является именно такая дата «старта Гнёздова»: конец IX – начало X в. ²⁰.

Перейдём к рассмотрению «нижних дат» ключевых составляющих Гнёздовского археологического комплекса.

Могильник. Для конкретных раскопанных погребений традиционно давались относительно широкие даты на основе одиночных датировочных вещей (гребни, бусы, монеты, отдельные типы предметов вооружения и др.), либо на основе керамического материала (лепной / круговой, хотя время появления в Гнёздове гончарного круга до сих пор точно не установлено). Исключения в датировках составляли лишь редкие комплексы, в которых была возможность получить дендродату (Ц-306,

¹⁶ Авдусин Д.А. Работы смоленской экспедиции // АО 1970. М., 1971. С. 79.

¹⁷ Жарнов Ю.Э. Женские скандинавские погребения в Гнёздове // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города). М., 1991. С. 216; Жарнов Ю.Э. Гнёздовские курганы с остатками труположения // Историческая археология: традиции и перспективы. М., 1998. С. 99.

¹⁸ Пушкина Т.А., Ениосова Н.В., Мурашёва В.В. Гнёздово — раннегородской центр Верхнего Поднепровья периода образования Руси // Русь в IX – X вв.: археологическая панорама. М.; Вологда. 2012. С. 243–273.

¹⁹ Там же. С. 270.

²⁰ Пушкина Т.А. Гнёздово: итоги и задачи исследования // Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ. М., 2001. Вып. 124. С. 7, 9; Пушкина Т.А., Ениосова Н.В., Мурашёва В.В. Гнёздово — раннегородской центр... С. 271.

Дн-4) ²¹. Традиционно в качестве ранних дат для гнёздовских погребальных комплексов предлагалась первая половина X в., либо же начало X в.

В вопросе о времени начала функционирования могильника важную роль играют два комплекса, которые могут быть отнесены к самым ранним — курган 15 М.Ф. Кусцинского и Л-38. А.Н. Кирпичников и В.А. Булкин считали возможным датировать эти комплексы второй половиной / концом IX в. Но Ю.Э. Жарнов допускал возможность появления этих насыпей (и наиболее ранней части могильника) в конце IX в. При этом он сформулировал одно принципиальное для хронологии замечание: применительно к Гнёздову датирование погребальных комплексов концом IX в. является условным, практически недоказуемым, и допустимо только в качестве общей характеристики «раннего этапа» конца IX – первой половины X в. ²². К этапу «раннего Гнёздова» Ю.Э. Жарнов относит 8 курганов, которые можно датировать с достаточной степенью уверенности (Л-5, 13, 17, 38, 47, 52, 106, Ц-105) ²³.

Относительно недавно С.Ю. Каиновым и В.С. Нефёдовым была проделана работа по детализации и сужению датировок для двух наиболее известных курганов — кургана 15 М.Ф. Кусцинского и кургана Л-13, относящихся к раннему этапу существования Гнёздова. На основе корреляции типологически датированных категорий вещей в погребальном инвентаре эти комплексы были датированы первой четвертью X в. и первой половиной – серединой X в. соответственно ²⁴. Поэтому на современном этапе исследований можно предполагать, что наиболее ранние датированные погребения появляются в Гнёздовском некрополе только **в первой четверти X в.** ²⁵

Поселение. Сейчас лишь можно утверждать, что объектов, относящихся к концу, либо второй половине IX в. на поселении не выявлено. Причём происходит это в первую очередь из-за того, что не выделены хронологические признаки для датировок подобных объектов. Культурный слой гнёздовских селищ и городища настолько повреждён позднейшими вторжениями (распашка, траншеи Великой Отечественной войны, результаты хозяйственных работ), что зачастую ничего, кроме материковых ям, выявить не удавалось.

²¹ Авдусин Д.А., Пушкина Т.А. Три погребальные камеры // История и культура древнерусского города М., 1989. С. 199–205.

²² Жарнов Ю.Э. Погребальный обряд в Древней Руси по материалам Гнёздовского некрополя. Дисс. ... канд. ист. наук. М., МГУ. 1992. С. 131.

²³ Там же. С.132.

²⁴ Каинов С.Ю. Ещё раз о датировке Гнёздовского кургана с мечом из раскопок М.Ф. Кусцинского (к вопросу о нижней дате Гнёздовского могильника) // Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет... С. 54 – 64; Нефёдов В.С. Археологический контекст «древнейшей русской надписи» из Гнёздова // Там же. С. 64 – 68.

²⁵ Каинов С.Ю. Ещё раз о датировке... С. 62.

Ключевым для датирования времени поселения стал вопрос о времени появления в Гнёздове гончарного круга. Е.В. Каменецкая предположила появление круга в 920–930-х гг.²⁶, Ю.Э. Жарнов — в середине X в.²⁷ Исходя из этого, основанием для датировок тех или иных слоёв и объектов стало соотношение лепной и круговой керамики, которое тем не менее не позволяло сузить даты более чем до полувека. При этом удавалось только лишь выявить объекты (в основном, на городище), в которых лепная керамика преобладала²⁸.

Говоря о слоях раннего Гнёздова на поселении, мы подразумеваем, что они не просто условно выявлены раскопками, но и датированы хоть сколько-нибудь точно на основе конкретных хронологических признаков. Учитывая сохранность культурного слоя в Гнёздове, ранние объекты могли быть раскопаны, но не датированы или не вписаны в общую стратиграфическую ситуацию.

До последнего времени наиболее ранним участком поселения считался ремесленный комплекс, раскопанный И.И. Ляпушкиным на западном селище в 1967–1968 гг. и доследованный позже В.А. Булкиным. Здесь выявлено несколько объектов, содержащих только лепную керамику, а также ряд вещевых находок раннего бытования²⁹.

С открытием в 1997 г. культурного слоя в Гнёздовской пойме и началом здесь планомерных раскопок появилась уникальная возможность исследовать непотревоженные слои памятника. Разливы Днепра с эпохи позднего Средневековья перекрыли более ранние культурные слои Гнёздова мощным (до 1,5 м) аллювием, защитив их от любых вторжений и повреждений. С 1999 г. в пойме исследованы четыре участка, давшие хорошо стратифицированный и датированный материал как «раннего», так и «позднего» Гнёздова. Первый участок представляет собой часть селища, примыкающего к высокой надпойменной террасе, здесь были получены дендродаты начала XI в., характеризующие финальные этапы жизни Гнёздова (1002 г.)³⁰. На втором участке исследована большая кузнечно-ювелирная мастерская, включавшая целый комплекс производственных,

²⁶ Каменецкая Е.В. Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья. М., 1977. С. 114–115.

²⁷ Жарнов Ю.Э. Погребальный обряд... С. 131–132.

²⁸ Авдусин Д.А., Каменецкая Е.В., Пушкина Т.А. Раскопки в Гнёздове // АО 1979 г. М., 1980. С. 44; Авдусин Д.А., Пушкина Т.А. Раскопки в Гнёздове // АО 1985 г. М., 1986.

²⁹ Вешнякова К.В., Булкин В.А. Ремесленный комплекс Гнёздовского поселения (по материалам раскопок И.И. Ляпушкина) // Археологический сборник. Гнёздово. 125... С. 40–53.

³⁰ Мурашёва В.В., Авдусина С.А. Исследование притеррасного участка пойменной части Гнёздовского поселения // Гнёздово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб., 2007. С. 12–13.

хозяйственных и жилых построек второй четверти X – рубежа X–XI вв.³¹. Ещё два исследованных участка в гнёздовское время функционировали как «портовые зоны», где осуществлялись приём, ремонт и обслуживание судов.

Благодаря прекрасной сохранности культурных слоёв при анализе стратиграфии, вещевого и массового материала для участков, исследованных в пойме, удалось выделить несколько опорных хронологических признаков. Была составлена детальная внутренняя типология керамики, а также в качестве одного из датирующих признаков выступают характерные наборы стеклянных бус и бисера, относящихся к перекрывающим друг друга слоям или объектам³². По материалам Гнёздовской поймы была построена относительная хронологическая шкала, которая во многом совпадает с предшествующими хронологическими построениями по остальным частям памятника.

Особенно интересны слои «раннего Гнёздова», исследованные в так называемой «внутренней портовой зоне» на берегу озера Бездонка, служившего внутренней гаванью, непосредственно под городищем. Несколько объектов на этом участке содержат лишь лепную керамику и относятся, соответственно, к раннему «докруговому» Гнёздову, то есть к первой четверти X в. Это один из прибрежных настилов-гадей и обложенная деревом канава, вероятно, служившая своеобразным внутренним волоком для протаскивания лодок из воды на берег³³. Аналогичные слои «докругового Гнёздова» первой четверти X в. (включающие только лепную керамику) открыты и во второй «портовой зоне» на берегу средневекового русла Днепра. Вещевой материал в обоих случаях не противоречит предложенным датировкам.

Таким образом, даже хорошо стратифицированный и датированный материал раскопок Гнёздовской поймы даёт слои и объекты **не ранее первой четверти X в.**

Начало функционирования пути «из варяг в греки» традиционно, следуя за летописной хронологией, в историографии относится уже ко второй половине IX в. Ярким свидетельством начала освоения этого пути считаются походы Аскольда и Дира 860-х гг. из Новгорода (Ладоги?) в Киев (и последующий поход на Константинополь), и Олега по тому же маршруту в 880-х гг. По мнению Г.Г. Литаврина, уже во второй половине – конце IX в. связи Руси с Константинополем были настолько активны, что

³¹ Мурашёва В.В., Ениосова Н.В., Фетисов А.А. Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнёздовского поселения // Гнёздово. Результаты комплексных исследований... С. 31–77.

³² Френкель Я.В. Опыт датирования пойменной части Гнёздовского поселения на основании анализа коллекции стеклянных и каменных бус (по материалам раскопок 1999 – 2003 гг.) // Гнёздово. Результаты комплексных исследований... С. 78–118.

³³ Мурашёва В.В. В поисках Гнёздовского порта // Российская археология. 2007. № 1. С. 112 – 113.

в этот период в течение каждого года в византийскую столицу прибывали с торговыми караванами не менее 1000 русов³⁴.

В последнее время становится всё более очевидно, что этапы формирования этого пути были более сложны, и сама эта торговая магистраль на всём протяжении развития могла быть более дискретной, нежели прямая транзитная дорога от Балтики до Чёрного моря. Соответственно, и интенсивность торговых контактов Руси с Византией зависела от этапов развития торговой магистрали. Есть ряд свидетельств, говорящих о том, что Волховско-Днепровский путь долгое время существовал лишь в виде нескольких самостоятельных отрезков, а не в виде сплошного транзита от Балтики до Чёрного моря³⁵.

Уже Т. Нунан отмечал, что роль русско-византийской торговли IX–X вв. в историографии традиционно сильно преувеличивается: для IX в. никаких однозначных свидетельств такой торговли нет, а в X в. её масштабы были гораздо скромнее, чем обычно считается³⁶.

Относительно недавно И.И. Еремеев на материале «сельских» памятников и контрольных пунктов показал начало сложения северного отрезка пути «из варяг в греки», реконструировав систему переходов из Ловати в Днепр, маркированных скандинавскими находками³⁷.

Формирование южного отрезка пути «из варяг в греки» реконструируется по греческим источникам и русско-византийским договорам с начала X в.

Начало же его функционирования по Днепру от Гнёздова на юг непосредственно связано с вопросами внутренней хронологии и топографии Гнёздовского археологического комплекса.

При этом необходимо учитывать не только меридиональный (путь «из варяг в греки»), но и широтный (путь по Западной Двине из Балтики) характер связей этого памятника. Широтные торговые пути для определённых этапов развития Гнёздова имели, по всей видимости, не меньшее значение³⁸.

Очевидным индикатором участия Гнёздова в русско-византийской торговле являются византийские импорты на территории памятника. Обращает на себя внимание, что подавляющее большинство предметов византийского круга попадает в Гнёздово лишь в **середине – второй половине X в.** Среди таких находок — византийские монеты, фрагменты стеклянных сосудов, стеклянные игральные шашки, амфорная тара,

³⁴ *Литаврин Г.Г.* Византия и славяне. СПб., 1999. С. 421–429, 458, 464.

³⁵ *Андрощук Ф. А.* Гнёздово, Днепровский путь и финал Бирки // Археологический сборник. Гнёздово. 125... С. 133; *Зоценко В.Н.* Гнёздово в системе связей Среднего Поднепровья IX–X вв. // Там же. С. 121 – 125.

³⁶ *Noonan T.* Monetary history of Kiev in the pre-Mongol period // Harvard Ukrainian studies. Vol. XI. № 3–4. 1987. P. 399.

³⁷ *Еремеев И.И.* Волок с верха Днепра до Ловати и варяги // Археологические вести. № 12. СПб., 2005.

³⁸ *Зоценко В. Н.* Гнёздово в системе связей... С. 121.

стеклянные перстни и браслеты, поливная керамика, 3 свинцовых печати и 3 энколпиона³⁹.

Характерно, что «массовый» (условно) византийский материал — фрагменты амфор и стеклянных сосудов — выпадает, по крайней мере, в чётко стратифицированных слоях Гнёздовской поймы, только во второй половине X в. и ранее не встречается⁴⁰. Если редкие и уникальные вещи (ткани, монеты, некоторые украшения) могли попадать на памятник в более ранние периоды как результат военных походов, то амфорная тара и стеклянные сосуды, встреченные в большом количестве, — это, безусловно, отражение торговых контактов.

Таким образом, мы приходим к выводу, что активная стадия участия Гнёздова в русско-византийской торговле началась лишь с середины X в. Начало этого этапа может быть связано с усилением влияния Киева в регионе Верхнего Поднепровья именно в середине X в. Как показали последние исследования, в первой половине X в. Гнёздовский торгово-ремесленный центр, по всей видимости, был относительно независим от великокняжеской власти Киева. Только около 950 – 960-х гг. происходит усиление здесь южнорусского влияния.

Не исключено и даже вероятно прямое подчинение в ту пору Гнёздова Киеву, что отчётливо отражается в археологическом материале: с середины X в. в Гнёздове появляются ременные бляшки «черниговской школы», среднеднепровская керамика и местные подражания ей, пиррофилитовые («шиферные») пряслица и др., происходит перепланировка в застройке жилых и производственных зон⁴¹.

Итак, ранняя история Гнёздова укладывается в X в. Этот поселенческий комплекс возникает в начале X столетия, самостоятельно развивается в первой его половине и подпадает под власть (влияние?) Киева со второй его половины. Именно этот момент в середине X столетия совпадает с «пиком» активности так называемого «пути из варяг в греки».

³⁹ Мурашёва В.В., Довгалюк Н.П., Фетисов А.А. Византийские импорты с территории пойменной части Гнёздовского поселения // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. СПб.; М. 2009. Т. 1. С. 530 – 554; Ениосова Н.В., Пушкина Т.А. Находки византийского происхождения из раннегородского центра Гнёздово в свете контактов между Русью и Константинополем в X в. // Русь в IX–X вв.: общество, государство, культура. Тезисы докладов международной научной конференции. М., 2012. С. 18 – 19.

⁴⁰ Мурашёва В.В., Довгалюк Н.П., Фетисов А.А. Византийские импорты... С. 532 – 540.

⁴¹ Мурашёва В.В., Ениосова Н.В., Фетисов А.А. Кузнечно-ювелирная мастерская... С. 68 – 70.